Семейные разделы в южноуральской деревне во второй половине XIX — начале XX века

Ш. Н. Исянгулов

Шамиль Наилевич Исянгулов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71.
E-mail: isangul-schamil@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика семейных разделов в сельской местности в Оренбургской и Уфимской губерниях во второй половине XIX — начале XX века. Краткий анализ литературы показал недостаточную изученность проблемы. В качестве источников привлечены законодательные акты, документы уездных, губернских учреждений по делам крестьянства, земского отдела МВД, статистика, этнографические материалы и др. Значительное количество источников впервые вводится в научный оборот. Показано, что абсолютное большинство семейных разделов на Южном Урале в пореформенный период производилось без разрешения сельского схода. Отмечается, что законодательные меры не смогли остановить процесс дробления крестьянских хозяйств. Выведен коэффициент распространенности семейных разделов среди различных групп крестьянства Уфимской губернии за 1880 год на 1000 среднегодового населения. Он показывает, что наиболее частыми семейные разделы были у башкир, свободных хлебопашцев, горнозаводских крестьян, наименее распространенными — у бывших помещичьих крестьян. У бывших государственных и удельных крестьян показатели оказались средними. В статье приводятся основные причины семейных разделов, встречающиеся в источниках: ссоры, теснота жилья, многоженство. Все они сводились к естественному циклу развития семьи. В статье подчеркивается, что большое влияние на распространение семейных разделов оказывали социально-политические факторы, будь то крестьянская реформа 1861 года, введение всеобщей воинской повинности в 1874 году, проведение Столыпинской аграрной реформы, ликвидация семейной собственности, разрушение общины. По мнению автора, ухудшение экономического положения крестьян вследствие голода, неурожаев, войн сдерживало дробление хозяйств.

Ключевые слова: крестьянство, сельский сход, аграрные реформы, Башкортостан, Уфимская губерния, Оренбургская губерния

EDN: HATXCK

В современный период средний размер домохозяйства как в сельской местности, так и в городских поселениях Республики Башкортостан составляет менее трех человек, что вызывает серьезные опасения у представителей власти и широкой общественности насчет перспектив дальнейшего развития семьи. В подобных усло-

виях растет научный интерес к периоду, когда большая (сложная) семья стала неуклонно сдавать свои позиции перед малой (нуклеарной). Данный процесс был запущен крестьянской реформой 1861 года, после которой семейные разделы стали обыденными явлениями деревенской жизни.

Семейные разделы привлекали внимание исследователей еще в дореволюционный период. Тогда в отечественной науке появилось значительное количество работ, посвященных крестьянскому обычному праву, в том числе семейным разделам. Отдельные исследователи, рассматривая последствия разделов, приходили к выводу о том, что они не приводили к ухудшению экономического положения выделившихся и разделившихся хозяйств (В. В., 1883; Исаев, 1883). Ученые все более убеждались, что семейные разделы — неизбежный естественный процесс. Один из авторов заявлял, что «причины разделов не уничтожимы, а пока они действуют, не уничтожимы и разделы» (Личков, 1886: 108). После появления закона 1886 года стали преобладать публикации, в которых акцентировалось внимание на юридических аспектах проблемы: комментировалось новое законодательство, изучались его последствия (Бржеский, 1900, 1902; Герасимов, 1901 и др.).

Работ о семейных разделах и порядке наследования у крестьян Южного Урала в дореволюционный период вышло немного. О значительном распространении семейных разделов в Бирском и Уфимском уездах в 1860-е годы писал священник И. Темперов (Темперов, 1866: 31–32). Его небольшую, но насыщенную ценными этнографическими наблюдениями публикацию впоследствии широко использовал известный юрист В. Ф. Мухин (Мухин, 1888: 41, 80 и др.). Выдел сыновей у русских крестьян Белебеевского и Мензелинского уездов Уфимской губернии достаточно подробно освещен в публикации М. В. Колесникова (Колесников, 1888; Колесников, 2015: 51–53). О семейных разделах в Оренбургском уезде в начале XX века писал краевед А. П. Кузнецов (Кузнецов, 2007: 304–305).

В советский период исследователи стали вновь обращаться к этой теме лишь с 1960-х годов. В результате введения в научный оборот источников различного характера в отечественной историографии обозначилось несколько направлений в изучении проблемы. Так, статистические источники использовал А. М. Анфимов (Анфимов, 1980: 24–27), работы других исследователей основаны на материалах обследования Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (Федоров, 1979; Милоголова, 1987).

В постсоветский период эти направления в российской исторической науке получили дальнейшее развитие, научный интерес к теме семейных разделов возрос. На сегодняшний день она изучается с точки зрения истории повседневности, гендерных аспектов, в рамках исследования развития низовых учреждений и институтов: сельской общины, волостного суда и др. (Зырянов, 1992: 31–32; Крюкова, 1994: 138–191; Жиромская, 2000: 66–67; Земцов, 2002;

Вербицкая, 2009: 106–117; Нагорная, 2011; Мельников, 2012, 2014, 2023; Безгин, 2012: 43–52; Безгин, 2017: 37–42; Безгин, Ерин, 2012; Кушкова, 2016: 108–137; Миронов, 2014: 677–678; Менщиков, Федоров, 2017: 98–116; Мухина, 2018: 356–388 и др.). Появились публикации, в основе которых лежало изучение первичных документов о семейных разделах — приговоров сельских сходов (Даньшина, 2016). В зарубежной литературе тема также получила определенное освещение (Джаедонг, 2005; Шанин, 2020: 58–67, 150–153, 373–390).

В региональной историографии относительно хорошо изучены порядок наследования, раздел имущества в башкирской семье (Бикбулатов, 1984; Бикбулатов, Фатыхова, 1991: 135–161; Асфандияров, 1997: 74–79; Биккузина, 2011: 116–120 и др.). При этом в работах историков-аграрников главное внимание обращалось на роль общины в переделе земельных наделов. Так, Х. Ф. Усманов в своей классической работе фокусировался на разделе земли в пореформенной южноуральской деревне, вопрос же о семейных разделах затрагивался им очень кратко (Усманов, 1981: 180). Анализ развития сельского хозяйства Уфимской губернии в начале XX века, динамики социальной структуры крестьянства, хозяйственного районирования позволили М. И. Роднову сделать интересный вывод о том, что семейные разделы были характерны, прежде всего, для традиционного аграрного общества, тогда как хозяйства (семьи), вставшие на путь капиталистического развития, оставались долгое время неразделенными, сложными (Роднов, 2002: 119–132, 161–162, 204–205 и др.). Некоторые выводы Роднова являются дискуссионными, о чем будет сказано ниже.

Как показывает обзор существующей научной литературы, вопрос о семейных разделах у различных категорий крестьянства Южного Урала, за исключением башкирского, остается недостаточно изученным. Специальных работ по данной теме до сих пор не появилось.

В нашей статье рассматривается динамика семейных разделов в сельской местности в Оренбургской и Уфимской губерниях во второй половине XIX — начале XX века. Автор ставит своими задачами: выяснение распространенности разрешенных и самовольных семейных разделов, их территориальных и этносословных особенностей в южноуральской деревне, а также их основных причин. Порядок и процедура раздела имущества у различных групп сельского населения здесь не рассматриваются. Существовавшие практики раздела имущества по закону, по шариату и по обычному праву у народов края должны стать предметом специального исследования.

Источниками выступают законодательные акты, документы (отчеты, справки) уездных и губернских по крестьянским делам присутствий, а также земского отдела МВД. В них наряду с описаниями местных, почти этнографических особенностей семейных разделов в той или иной местности встречаются и статистические

сведения, до сих пор не введенные в научный оборот. Из опубликованных источников привлечены материалы земской статистики и губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах.

Разделы в 1860–1880-е годы

«Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года было определено, что разрешение семейных разделов входило в полномочия сельского схода. При этом сельский сход разрешал семейные разделы только в отношении личного состава семьи, а не имущества. Спор об имуществе подлежал рассмотрению волостного суда (если цена иска не превышала 100 рублей) или общих судебных мест (если цена иска составляла более 100 рублей). Вопросы о разделе на сельском сходе должны были решаться простым большинством голосов[1]. Данный пункт «Общего положения о крестьянах» в 1863 и 1866 годах был распространен на башкир, удельных и государственных крестьян[2]. Ввиду спорных моментов Сенат несколько раз в 1876 и 1877 годах разъяснял, что сельский сход имеет право разрешать лишь семейные разделы, то есть роспись семейства на отдельные самостоятельные единицы в податном и хозяйственном отношении, но не раздел имущества. В случае споров необходимо было обратиться в волостной суд или в общие судебные учреждения[3].

Резкое увеличение числа семейных разделов наблюдалось, очевидно, после выхода отмеченных законов. Как писал священник И. Темперов, у государственных крестьян (русских по национальности) Бирского и Уфимского уездов в 1860-е годы «сильно бросается в глаза дробление семейств» (Темперов, 1866: 31; см. также: Мухин, 1888: 41).

Большинство семейных разделов после 1861 года производилось самовольно, без разрешения сельских сходов. В результате 28 сентября 1867 года Сенат был вынужден разъяснить, что «семейный раздел, произведенный без разрешения сельского схода, не может быть признан действительным и не освобождает тех из выделив-

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (далее — ПСЗ-2). № 36657. Т. 36. Ч. 1. С. 148 (п. 5 ст. 51).
2. Высочайше утвержденное Положение о башкирах // ПСЗ-2. № 39622. Т. 83. Ч. 1. С. 447 (п. 5 ст. 31); Высочайше утвержденное Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных // ПСЗ-2. № 39792. Т. 38. Ч. 1. С. 480 (ст. 9); О преобразовании общественного управления государственных крестьян, и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений // ПСЗ-2. № 42899. Т. 41. Ч. 1. С. 35 (ст. 5).
3. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1291. Оп. 50. 1906 г. Д. 32. Л. 6 об.

шихся членов, которые исправны в отбывании повинностей, от платежа податей за неисправных»[4]. Однако данное решение практически не работало. Семейные разделы продолжали производиться без согласия сельских сходов. Так, в Оренбургской губернии в 1861–1882 годах было произведено 27 395 разделов, из них сельскими сходами разрешено 1392 раздела, то есть всего лишь 5,1%. Это был один из самых низких показателей в Европейской части России. Для сравнения, в 46 губерниях Центральной России за тот же период удельный вес разрешенных сельскими сходами семейных разделов составил 12,8%, в Вятской губернии — 19,3%, в Пермской губернии — 21,1%[5]. Большинство разделов, таким образом, были самовольными. Поуездные данные по Оренбургской губернии приведены в таблице 1.

Таблица 1. Семейные разделы в Оренбургской губернии в 1861–1882 гг.

Уезды	Разрешенные		Самовольные		Всего разделов	
	Число	%	Число	%	Число	%
Верхнеуральский	113	3,6	3068	96,4	3181	100
Оренбургский	1489	19,1	6321	80,9	7810	100
Орский	85	3,5	2341	96,5	2426	100
Троицкий	35	2,6	1310	97,4	1345	100
Челябинский	12	0,1	12 250	99,9	12 262	100
Итого	1734	6,4	25 290	93,6	27 024	100

Источник: Объединенный государственный архив Оренбургской области. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 12 об–13, 15 об, 20, 23 об, 50.

Примечание: в Челябинском уезде — за 1866–1882 гг.; в Орском уезде — по сведениям Александровской, Кананикольской, Преображенской, 2-й, 3-й и 4-й Усерганских, 1-й Бурзянской, Тангауровской волостей; в Оренбургском уезде — по сведениям всех волостей, кроме Бурзянской, Имангуловской, Марьевской, Павловской и Спасской; в Верхнеуральском уезде — по сведениям Авзяно-Петровской, Белорецкой, Кагинской, Катайской, Кубеляк-Телевской, Тамьяно-Тангауровской, Тептяро-Учалинской, Тирлянской и Узянской волостей.

Обращает на себя внимание различие между ситуацией в Челябинском и Оренбургском уездах. В Челябинском уезде практически не было разделов, разрешенных сельскими сходами, тогда как в Оренбургском почти каждый пятый раздел семьи был санкционирован на сельском сходе.

Роль сельских сходов в разрешении семейных разделов, таким образом, была незначительной. Еще Темперов писал, что у русских

4. РГИА. Ф. 1291. Оп. 50. 1906 г. Д. 32. Л. 6 об.
5. Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 39, 39 об.

крестьян Бирского и Уфимского уездов «стороннего вмешательства в раздел не допускается», более того, «крестьянские общества строго охраняют власть родителя и волю родителя в этом деле ставят выше всего» (Темперов, 1866: 32). Сельские сходы проявляли активность в разрешении семейных разделов лишь до отмены рекрутской повинности (1874 год)[6].

В 1882 году Орское уездное по крестьянским делам присутствие докладывало, что «сельские сходы почти не вмешиваются в разделы, за исключением полного несогласия в семействе, когда младшие члены сами потребуют раздела, но и в этих случаях больше обращаются к волостному суду»[7]. В Оренбургском уезде «крестьяне же со своей стороны о предстоящих разделах сельским сходам, за редким исключением, не заявляют, находя всякое вмешательство в семейное дело посторонних лиц несообразным с их обычаями»[8].

Горнозаводское население Верхнеуральского уезда (Авзяно-Петровская, Белорецкая, Кагинская, Тирлянская, Узянская волости) было освобождено от крепостной зависимости без земли (за исключением усадебной). Налоги, разные платежи и недоимки удерживались с заработков рабочих заводов. В силу этого сельские общества не обращали особого внимания на экономическую состоятельность отдельных семей и последние делились обычно без разрешения сельских сходов[9]. Башкиры этого же уезда, имея много земли, земледелием занимались мало. Семейные разделы совершались ими также самовольно, без разрешения сельских сходов: в 1861–1882 годах сельские сходы в башкирских обществах данного уезда не вынесли ни одного приговора о разделе семьи[10].

В конце XIX века земские статистики отмечали, что в Бирском уезде Уфимской губернии семейные разделы у башкир-вотчинников происходили следующим образом: «Отец наделяет отделившегося сына чаще всего по своему усмотрению. Мир очень редко вмешивается в семейные разделы; в случае конфликта между отцом и сыном мир обычно решает наделять только сыновей, записанных в X ревизию; сыновья же, не попавшие в X ревизию, очень часто отделяются без земли. Бывают случаи крайне неравномерного распределения...»[11].

Несколько особняком стоят этнографические записи М. В. Колесникова. Как он пишет, в Белебеевском и Мензелинском уездах Уфимской губернии домохозяин, заметив раздоры в семье, «обра-

6. Объединенный государственный архив Оренбургской области (далее — ОГАОО). Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 20–20 об.
7. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.
8. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9 об.
9. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51–51 об.
10. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51 об–52.
11. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V: Бирский уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1897 года. Уфа, 1900. С. 191.

щается к сельскому старосте с просьбою собрать сельский сход, который тем и созывается в один из ближайших праздников». Крестьянин ставит сходу угощение, выражая свое желание отделить одного из сыновей, просит мир дать сыну усадебное место. По свидетельству Колесникова, сельский сход «дает свое устное согласие на отдачу просителю той земли без всякого приговора» (Колесников, 1888; Колесников, 2015: 52). Таким образом, и в данном случае семейный раздел производился все же самовольно, без приговора сельского схода.

Статистических сведений о самовольных и разрешенных разделах по Уфимской губернии за 1860–1880-е годы не обнаружено. Однако опираясь на вышеуказанное свидетельство Колесникова и мнение Уфимского губернского совещания о том, что Закон 18 марта 1886 года о семейных разделах приносит желаемые результаты[12], можно утверждать, что в Уфимской губернии, скорее всего, процент самовольных разделов был ниже, чем в Оренбургской.

Распространенность семейных разделов по социальным группам крестьянства была неодинаковой. Так, в Уфимской губернии число крестьянских хозяйств (семей) с 1874 по 1884 год увеличилось с 188,9 тыс. до 230,1 тыс., или на 21,8%. Это было чуть больше, чем в среднем в 43 губерниях Европейской части России (19,3%). При этом число семей бывших помещичьих крестьян в губернии возросло на 16,6%, бывших государственных и удельных крестьян — на 21,6%, прочих (башкир-вотчинников, припущенников, заводских крестьян, свободных хлебопашцев) — на 22,7%[13]. С 1861 по 1882 год в губернии ежегодно в среднем производилось по 4,1 тыс. семейных разделов, тогда как с 1874 по 1883 год — по 4,8 тыс.[14] Таким образом, постепенно частота семейных разделов увеличивалась (см. табл. 2).

Таблица 2. Семейные разделы в Уфимской губернии в 1874–1883 гг.

Годы	Бывшие помещичьи крестьяне		Бывшие государственные и удельные крестьяне		Крестьяне прочих наименований		Итого	
	число	%	число	%	число	%	число	%
1874	438	8,1	1270	23,4	3711	68,5	5419	100
1875	390	8,3	1205	25,5	3125	66,2	4720	100
1876	449	8,8	1121	22,0	3527	69,2	5097	100
1877	435	10,3	1067	25,2	2727	64,5	4229	100

12. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 260.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 57 об–58, 61.
14. РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 57 об–58.

1878	452	9,9	1265	27,7	2848	62,4	4565	100
1879	472	9,7	1359	28,0	3025	62,3	4856	100
1880	462	9,8	1258	26,6	3012	63,6	4732	100
1881	390	8,1	1235	25,6	3194	66,3	4819	100
1882	420	9,2	1136	24,8	3015	66,0	4571	100
1883	390	8,4	1196	25,8	3052	65,8	4638	100
Всего	4298	9,0	12 112	25,4	31 236	65,6	47 646	100

Источник: РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 59 об–60.

Примечание: К крестьянам прочих наименований относятся: башкиры-вотчинники, припущенники, заводские, свободные хлебопашцы.

Как видно из таблицы 2, наибольшее число разделов в Уфимской губернии было зарегистрировано в 1874 году, очевидно, в связи с проведением военной реформы. Население, скорее всего, надеялось, что мужчины из малых (нуклеарных) семей смогут избежать службы в армии, как это имело место в период рекрутской повинности.

По нашим подсчетам, в 1880 году у бывших помещичьих крестьян Уфимской губернии было произведено 2,7 раздела на 1000 человек среднегодового населения, у бывших государственных и удельных крестьян — 2,9, у крестьян прочих наименований — 3,2[15]. Таким образом, у крестьян прочих наименований семейные разделы происходили чаще, чем у крестьян других категорий. Исследователи отмечали, что и в начале XX века башкирам было проще отделить женившихся сыновей из-за лучшей обеспеченности землей (Юлдашбаев, 2007: 47).

Причины разделов

Причинами семейных разделов уездные органы называли ссоры, несогласия и раздоры; тесноту жилых помещений; у мусульманского населения еще и многоженство[16]. В Верхнеуральском уезде Оренбургской губернии в 1861–1882 годах удельный вес причин самовольных разделов был следующим: семейные ссоры составили 47,7%, увеличение числа членов семьи и теснота жилых помещений — 52,3%[17].

15. Подсчитано по: Обзор Уфимской губернии за 1879 год. Уфа, 1880. С. 15; Обзор Уфимской губернии за 1880 год. Уфа, 1881. С. 17; РГИА. Ф. 1291. Оп. 38. 1882 г. Д. 20а. Л. 57 об–58.
16. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 15 об–16, 20 об, 23 об; Национальный архив Республики Башкортостан (далее — НА РБ). Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 428 об.
17. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 50.

Как докладывало Орское уездное по крестьянским делам присутствие, в сложных семьях постоянно встречались случаи утаивания от большака личного заработка, воровства хлеба, пряжи и других продуктов из общих запасов[18]. Одной из основных причин семейных разделов, считало Троицкое уездное по крестьянским делам присутствие, были ссоры «вследствие деспотизма старших, в особенности свекровок, которые, в большинстве случаев, притесняют своих снох; требуя от них рабского безусловного повиновения и при малейшем неисполнении их воли, они восстанавливают сыновей против жен»[19]. Оренбургское уездное начальство также утверждало, что «неизбежным злом» в сложной семье являются «преимущественно женщины: золовки, снохи, свекрови и т.п., которые при столкновениях по своим хозяйственным обязанностям производят между собою постоянные ссоры, вовлекая при этом и других более миролюбивых членов семейства, от которых надеются ожидать себе поддержку или защиту против своих недругов»[20].

Меньшее значение, по мнению Оренбургских уездных властей, имела многочисленность семьи[21]. Кроме того, семейным разделам способствовал и многоземельный характер надельных и купчих владений крестьян, выход на хутора (в Александровской, Преображенской волостях Орского уезда Оренбургской губернии)[22]. Несомненно, имели место и другие причины разделов (см.: Безгин, 2012: 43–46).

Семейные ссоры и несогласия, названные уездными властями одной из главных причин крестьянских разделов, по сути, отражали определенную фазу развития той или иной семьи (домохозяйства).

Само крестьянство (здесь речь идет, прежде всего, о русском крестьянстве), по мнению местных органов, отрицательно относилось к семейным разделам. Орское уездное по крестьянским делам присутствие сообщало, что «вообще население к семейным разделам относится как к неизбежному злу, признавая, что было бы гораздо лучше для их благосостояния, если бы разделов было меньше и производились они осмотрительнее»[23]. В Оренбургском уезде крестьяне также были настроены против разделов, мотивируя свое мнение тем, что большая часть разделенных семей, раздробив свое

18. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 15 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 428 об.
19. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 20 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 430 об.
20. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 426 об–427.
21. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 9–9 об; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 427.
22. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 429.
23. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 16; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 429.

имущество и рабочие силы, лишались возможности поддерживать свое существование семейным трудом, нередко впадали в нищету, нанимались в работники к односельчанам. Тогда как зажиточные домовладельцы не имели никакой нужды и пользовались «до сего времени большими правами и почетом как в домашнем, так и в общественном положении»[24]. Верхнеуральское уездное по крестьянским делам присутствие считало, что и у горнозаводских крестьян сложные семьи являются более зажиточными, нежели простые. Дело в том, что при горнозаводском производстве большая часть работ имела вспомогательный характер (заготовление разных материалов и сырья, перевозки и др.). Сложная семья, состоящая из нескольких работников, владеющая достаточным количеством рабочего скота, практически всегда имела возможность брать довольно крупные подряды и исполнить их в срок. Простые же семьи оказывались в данном случае в невыгодном положении. Таково было мнение уездного присутствия. Само же горнозаводское население, как уже было сказано, последствиями семейных разделов мало интересовалось[25]. В Челябинском уезде, по сведениям уездного присутствия, крестьянское население также «к экономическим последствиям разделов относится безучастно»[26]. Приведенные оценки уездных властей основаны на отчетах волостных правлений, которые, вероятно, отражали мнения членов волостного или сельского схода, то есть домохозяев.

Таким образом, причины семейных разделов, по мнению уездного начальства, в большинстве сводились к естественному циклу развития той или иной семьи. Крестьяне нередко относились к разделам отрицательно, а в ряде мест равнодушно.

Разделы в 1890-е годы — начале XX века

В марте 1886 года императором было утверждено мнение Государственного совета, по которому конкретизировалось право сельского схода на разрешение семейных разделов. Отныне для разрешения на раздел требовалось две трети голосов сельского схода. Сход обсуждал, имеется ли основательный повод к разделению семьи, «способны ли образующиеся семейства к самостоятельному ведению хозяйства», хватает ли усадебной земли новым хозяйствам, будет ли обеспечено исправное поступление налогов и платежей. В противном случае сход отказывал в разделе семьи. Главное, семьи, разделившиеся без разрешения схода, считались «за одну семью», все

24. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 10; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 427 об.
25. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 51 об–52.
26. ОГАОО. Ф. Ф-13. Оп. 1. Д. 314. Л. 23 об.; НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 55. Л. 430–430 об.

члены которой продолжали нести общую ответственность за своевременный платеж налогов и недоимок[27]. Тем самым самовольные разделы практически были запрещены.

Однако в конце XIX века Оренбургское губернское совещание по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах, признавалось, что закон от 18 марта 1886 года практически не оказал влияния на сокращение семейных разделов. В губернии самовольных разделов было в 20 раз больше, чем по решениям сельских сходов. Данное обстоятельство Оренбургское совещание объясняло тем, что «естественное движение жизни» «продолжает свое движение помимо поставленных ей преград» и скептически отнеслось к регламентации семейных разделов[28]. Уфимское же совещание, наоборот, выразило противоположную точку зрения: «закон... приносит желаемые результаты, а с введением земских начальников вполне может достигнуть своего назначения»[29]. А. П. Кузнецов в начале XX века утверждал, что условия закона 1886 года были трудновыполнимы: во-первых, «потому, что мирных разделов, при которых может последовать требуемое законом заявление, жизнь еще не создала», во-вторых, по той причине, «что крайне трудно, почти невозможно, собрать сход в две трети домохозяев общества». Поэтому семьи делились без разрешения сельского схода (Кузнецов, 2007: 304). 5 октября 1906 года закон 1886 года был отменен[30]. Однако за сельским сходом сохранилось право на разрешение семейного раздела. Вскоре было объявлено о проведении аграрной реформы: указом от 9 ноября 1906 года взамен принципа семейной собственности была установлена личная собственность домохозяев. Разрушение общины, появление хуторов и отрубов должны были внести свою существенную лепту в распространение семейных разделов (Джаедонг, 2005: 44).

Прямых статистических сведений о семейных разделах в начале XX века не имеется. Однако косвенные данные свидетельствуют, что семейные разделы на Южном Урале в указанный период еще более участились. По мнению М. И. Роднова, максимальное дробление крестьянских хозяйств в Уфимской губернии происходило в неурожайные годы, а в годы высоких урожаев прирост крестьянских хозяйств падал. Так, после засух 1901, 1906 и 1911 годов количество дворов быстро росло (Роднов, 2002: 204–205). Однако

27. О порядке разрешения семейных разделов в сельских обществах, в которых существует общинное пользование мирскою полевою землею // ПСЗ-3. № 3578. Т. 6. С. 116–117.
28. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 224.
29. Свод заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах. Т. II. СПб., 1897. С. 260.
30. Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний // ПСЗ-3. № 28392. Т. 26. Ч. 1. С. 893 (п. «а» ст. 8).

аргументы исследователя представляются малоубедительными. Известно, что в годы Первой мировой войны разделы прекратились, более того, отмечались случаи соединения хозяйств (семей) (Брагин, 1916: 18). О том, что в годы войн, голода и неурожаев число семейных разделов резко сокращалось, свидетельствуют статистические материалы 1910–1920-х годов (Большаков, 1925: 30, 32; Шанин, 2020: 220–228). Так, во время страшного голода 1921 года в Башкирии, как и в остальных регионах РСФСР, пострадавших от этого бедствия, число семейных разделов сократилось до минимума (Исянгулов, 2022: 275).

Земская статистика показывает следующую динамику числа крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в начале XX века (см. табл. 3).

Таблица 3. Динамика числа крестьянских хозяйств в Уфимской губернии в 1905–1912 гг.

Годы	Прирост числа крестьянских хозяйств к предшествующему году (%)
1905	1,7
1906	2,3
1907	3,3
1908	1,3
1909	1,9
1910	2,2
1911	3,0
1912	4,7
В среднем в год	2,8

Источники: Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за … год [1904–1912]. Уфа, 1905–1914: за 1904 год. С. 146; за 1905 год. С. 198; за 1906 год. С. 132; за 1907 год. С. 120; за 1908 год. С. 128; за 1909 год. С. 122; за 1910 год. С. 128; за 1911 год. С. 140; за 1912 год. С. 576.

С 1904 по 1912 год в Уфимскую губернию ежегодно в среднем переселялось около 700 семей из других регионов страны (подсчитано по: Усманов, 1958: 126). Даже с учетом переселенцев в начале XX века в Уфимской губернии семейные разделы производились чаще, чем в 1860–1880-е годы. Причины увеличения числа разделов в 1906–1907 и 1911–1912 годах нельзя сводить к природно-экономическим (неурожаям, засухе). В этот период действовали иные причины. В частности, в 1906 году произошло массовое увольнение нижних чинов из армии[31], что могло привести к увеличению числа

31. Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1906 год. Уфа, 1907. С. 619.

разделов хозяйств (Безгин, 2012: 45). На ситуацию в 1907 году оказали влияние, скорее всего, отмена закона 1886 года и начало Столыпинской аграрной реформы, означавшей разрушение семейной и появление личной собственности на земельный надел (Вербицкая, 2009: 115–116; Джаедонг, 2005). Аграрная реформа вступила в новый этап в 1910–1911 годах, когда для выдела земли уже не требовалось согласия сельского схода. Скорее всего, именно новые условия проведения аграрной реформы стали одной из главных причин увеличения числа разделов (выделов) с 1910 года в Уфимской губернии, а вовсе не засуха и неурожай 1911 года, которые, наоборот, должны были выступить тормозом в процессе дробления хозяйств. Совпадение этапов реализации Столыпинской аграрной реформы с годами неурожаев и голода в Уфимской губернии является случайностью.

Другой вывод Роднова о том, что семейные разделы в основном были характерны для традиционного крестьянства, также достоин особого внимания (Роднов, 2002: 161–162 и др.). В тех районах Уфимской губернии, в которых крестьянское хозяйство в начале XX века развивалось по «американскому» пути, разделы были редкостью. К этим районам относились юго-западные и северо-восточные части губернии (левобережье Стерлитамакского, юг Белебеевского уездов, земледельческое население Златоустовского уезда). В южной части данного анклава (Белебеевский и Стерлитамакский уезды) зажиточная прослойка крестьянства составляла 30% хозяйств, тогда как в земледельческих районах губернии — вдвое меньше, а с учетом горнозаводского и неземледельческого населения — не более 11% (Роднов, 2002: 222; Усманов, 1981: 243; Исянгулов, 2023: 1015). Таким образом, большинство населения на селе все же составляли беднота и средние слои крестьянства. В начале XX века все более явственно наблюдалось обеднение большей части местного крестьянства, особенно национальных его групп. Даже в многоземельных районах губернии наблюдалось аграрное перенаселение (Роднов, 2002: 80–82). Между тем с конца 1900-х годов во всех группах сельского населения губернии наметилась тенденция уменьшения людности семьи. Особенно заметно с 1907 по 1909 год снизились средние размеры семьи именно в высшей (зажиточной) группе крестьянства, что было связано с участившимися случаями разделов и выделов после Указа от 9 ноября 1906 года (Исянгулов, 2023: 1015). Данный процесс продолжался вплоть до начала Первой мировой войны, когда семейные разделы прекратились. Очевидно, определяющее влияние на ситуацию с разделами оказывало «традиционное» крестьянское общество, а не зажиточная его часть. Консервация сложных семей среди «фермерских» элементов в отдельных уездах Уфимской губернии в условиях начала XX века могла носить лишь кратковременный, локальный характер.

Для определения интенсивности семейных разделов у различных национальных групп сельского населения можно использовать сведения о динамике средних размеров семьи. Так, с конца

XIX века до начала Первой мировой войны в Уфимской губернии средняя людность сельской семьи (домохозяйства) имела тенденцию к сокращению у всех народов, за исключением мордвы и украинцев. С 1914 по 1917 год средние размеры семьи увеличились, кроме украинцев и латышей. У русского населения губернии с конца XIX века по 1917 год количественный состав семьи в среднем увеличился с 6,2 человека до 6,3, у мордвы — с 6,6 до 6,9, у удмуртов — с 5,9 до 6,1. У остальных народов отмечается снижение показателей: у башкир — с 5,9 человека до 5,5, у татар — с 5,9 до 5,6, у украинцев — с 6,2 до 6,1, у марийцев — с 5,9 до 5,6 человека (Исянгулов, 2023: 1016–1017). В целом у народов, придерживающихся православия, сохранялись большие семьи, и, очевидно, семейные разделы у них были менее распространены. Тогда как у тюркского и финно-угорского (кроме мордвы) населения, по вероисповеданию являющихся мусульманами и язычниками, дворы были средне- и малосемейными, и, скорее всего, разделы и выделы у них оказывались более частыми явлениями. В Оренбургской губернии по материалам переписи 1917 года средние размеры семьи у разных национальных групп сельского населения были следующими: у украинцев — 7,6 человека, у русских — 6,3, у татар — 6,2, у башкир — 3,5[32]. Несмотря на то что указанный источник имеет значительные недостатки (неполнота сведений, учет лишь наличных хозяйств), в целом он достоверно показывает положение со средними размерами семьи у разных национальностей. Обращает особое внимание малосемейность башкирского населения губернии, что свидетельствует в том числе и о значительном распространении семейных разделов у них. Сохранение больших семей у ряда национальностей способствовало зажиточности хозяйств, тогда как частые разделы вели к ухудшению их экономического положения.

В целом закон 1886 года не оказал существенного влияния на положение с семейными разделами в южноуральской деревне. В начале XX века с изменением политики на селе в русле Столыпинской аграрной реформы разделы еще более участились. У тюркских и финно-угорских народов (кроме мордвы) семейные разделы были более распространены, у славянских народов и мордвы — менее.

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX века семейные разделы получили значительное распространение в южноуральской деревне. Большинство их производилось без разреше-

32. Подсчитано по: Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Оренбург, Б.г. С. 3–41.

ния сельского схода. Закон 1886 года не смог остановить процесс дробления крестьянских хозяйств (семей).

Наиболее частыми семейные разделы были у башкир (вотчинников и припущенников), свободных хлебопашцев, а также у горнозаводских крестьян, не занимавшихся земледельческим трудом. У бывших государственных и удельных крестьян разделов было меньше. Наименьший уровень делимости хозяйств отмечался у бывших помещичьих крестьян.

В начале XX века семейные разделы стали заметным явлением в общественной жизни деревни края. В то же время у тюркских и финно-угорских народов они были более частыми, нежели у славянских народов и мордвы. В свою очередь, распространенность дробления хозяйств вела к ухудшению экономического положения разделившихся семей.

Основные причины семейных разделов, упоминающиеся в источниках (ссоры, теснота жилья, многоженство), так или иначе, сводились к естественному циклу развития семьи. В определенный момент данного цикла раздел семьи (хозяйства) становился неизбежным. Большое значение также имели политические факторы, в частности, крестьянская реформа 1861 года, введение всеобщей воинской повинности в 1874 году, массовое увольнение военнослужащих в 1906 году, отмена закона 1886 года, проведение Столыпинской аграрной реформы, появление личной собственности, приводившие к росту числа семейных разделов. Другие факторы, в частности, ухудшение экономического положения крестьян вследствие голода, неурожаев, войн, наоборот, скорее сдерживали дробление хозяйств.

Библиография

Анфимов А. М. (1980). Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: Наука.

Асфандияров А. З. (1997). Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа: Китап.

Безгин В. Б. (2017). Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносовъ.

Безгин В. Б. (2012). Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет.

Безгин В. Б., Ерин П. В. (2012). Крестьянская семья и сельская община конца XIX — начала XX века (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного технического университета. Т. 18. № 2. С. 498–507.

Бикбулатов Н. В. (1984). Шариат и обычай в наследовании и разделе имущества у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Л. И. Нагаева. Уфа: БФАН СССР. С. 29–46.

Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф. (1991). Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука.

Биккузина А. Х. (2011). Башкирская община на Южном Урале в пореформенный период (1865–1900). Уфа: РИЦ БашГУ.

Большаков А. М. (1925). Современная деревня в цифрах. Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Прибой.

Брагин А. М. (1916). Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (По данным подворной переписи 1915 года). Уфа: Электр. типография «ПЕЧАТЬ».

Бржеский Н. (1900). Крестьянские семейные разделы и закон 18 марта 1886 г. СПб.: Типография В. Киршбаума.

Бржеский Н. (1902). Очерки юридического быта крестьян. СПб.: Типография В. Киршбаума.

В. В. [Воронцов В. П.] (1883). Семейные разделы и крестьянское хозяйство // Отечественные записки. № 1. С. 1–23; № 2. С. 137–161.

Вербицкая О. М. (2009). Российская сельская семья в 1897–1959 гг. М.; Тула: Гриф и К.

Герасимов Н. (1901). Закон 18 марта 1886 г. о семейных разделах // Журнал Министерства юстиции. № 6. С. 193–208.

Даньшина А. А. (2016). Семейные разделы в пореформенной псковской деревне // Вестник Екатерининского института. № 4 (36). С. 20–24.

Джаедонг Ч. (2005). Крестьянское завещание и наследование в период Столыпинской аграрной реформы // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / Под ред. Х. Окуда. Токио: CIRJE Research Report Series. С. 44–86.

Жиромская В. Б. (ред.) (2000). Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Земцов Л. И. (2002). Волостной суд в России 60-х — первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж: Воронежский гос. ун-т.

Зырянов П. Н. (1992). Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука.

Исаев А. (1883). Значение семейных разделов крестьян. По личным наблюдениям // Вестник Европы. Кн. 7. Т. IV. С. 333–349.

Исянгулов Ш. Н. (2022). Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований) // Oriental Studies. Т. 15. № 2. С. 270–279.

Исянгулов Ш. Н. (2023). Эволюция количественного состава сельской семьи на Южном Урале в конце XIX — начале XX в. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. Т. 33. № 5. С. 1013–1021.

Колесников М. В. (1888). Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // Уфимские губернские ведомости. № 26. С. 4.

Колесников М. В. (2015). Этнографические очерки русского населения Уфимской губернии, в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX — начале XX в. / Сост. М. И. Роднов. СПб.: ООО «Свое издательство». С. 45–119.

Крюкова С. С. (1994). Русская крестьянская семья во второй половине XIX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.

Кузнецов А. П. (2007). Этнографические очерки: Научное, литературное и публицистическое наследие. По материалам архивов и периодических изданий (XIX–XX вв.). Калуга: Золотая аллея.

Кушкова А. Н. (2016). Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам Европейской части России второй половины XIX — начала XX века. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб.

Личков Л. С. (1886). Крестьянские семейные разделы // Северный вестник. № 1. Отдел второй. С. 84–108.

Мельников П. Ю. (2012). Выдел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века // Право. Законодательство. Личность. № 2 (15). С. 12–18.

Мельников П. Ю. (2014). Раздел в крестьянском обычном праве Российской империи XIX века // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 4 (99). С. 113–118.

Мельников П. Ю. (2023). «Без раздела спорее, да много греха на душу примешь». Сложная крестьянская семья в Российской империи XIX в.: основные тенденции развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. Т. 23. Вып. 1. С. 12–16.

Менщиков И. С., Федоров С. Г. (2017). Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.

Милоголова И. Н. (1987). Семейные разделы в русской пореформенной деревне (на материалах центральных губерний) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 6. С. 37–46.

Миронов Б. Н. (2014). Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.

Мухин В. Ф. (1888). Обычный порядок наследования у крестьян. К вопросу об отношении народных юридических обычаев к будущему гражданскому уложению. СПб.: Типография правительствующего Сената.

Мухина З. З. (2018). Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX — начало XX века). СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН.

Нагорная М. А. (2011). Особенности крестьянских семейных разделов в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Вестник Омского университета. № 3. С. 115–121.

Роднов М. И. (2002). Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис».

Темперов И. (1866). Заметки о гражданских юридических обычаях в среде крестьян // Уфимские губернские ведомости. № 4. Часть неофициальная. С. 29–32.

Усманов Х. Ф. (1981). Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М.: Наука.

Усманов Х. Ф. (1958). Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа: Башк. кн. изд-во.

Федоров В. А. (1979). Семейные разделы в русской пореформенной деревне // Сельское хозяйство и крестьянство Северо-Запада РСФСР в дореволюционный период. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. А. А. Кондрашенков. Смоленск: б/и. С. 29–46.

Шанин Т. (2020). Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Пер. с англ. А. В. Соловьева; под науч. ред. А. М. Никулина. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Юлдашбаев А. М. (2007). Земельный вопрос и национальные отношения в Башкортостане в начале XX века. Уфа: Гилем.

Family divisions in the South Ural village in the second half of the 19th — early 20th centuries

Shamil N. Isyangulov, PhD (History), Senior Researcher, Department of Contemporary History of Bashkortostan, Order of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Prosp. Oktyabrya, 71, Ufa, 450054. E-mail: isangul-schamil@mail.ru.

Abstract. The article considers the dynamics of family divisions in rural areas of the Orenburg and Ufa Provinces in the second half of the 19th — early 20th centurits. The author shows that most family divisions in the Southern Urals in the post-reform period were carried out without the permission of the rural assembly, and legislative measures could not stop fragmentation of farms. The author presents the prevalence rate of family divisions (per 1,000 average annual population) among various groups of the peasantry in the Ufa Province in 1880. Bashkirs, free grain farmers and mining peasants had the highest rate of family divisions, former landowner peasants had the lowest, while the figures for the former state and specific peasants turned out to be average. The article explains the main reasons for family divisions as described in the sources: quarrels, cramped quarters and polygamy boiled down to the natural cycle of family development. The author emphasizes that military and political factors had a great influence on the rate of family divisions, whether it was the peasant reform of 1861, in-

troduction of universal military service in 1874, Stolypin agrarian reform, liquidation of family property or destruction of the peasant community. The deterioration of the economic situation of the peasant economy due to famine, crop failures and wars hindered the fragmentation of farms.

Key words: family divisions, Southern Urals, peasantry, causes, factors, rural gathering

References

Anfimov A. M. (1980) *Krestyanskoe khozyajstvo Evropejskoj Rossii. 1881–1904* [Peasant Economy of European Russia. 1881–1904], Moscow: Nauka.

Asfandiyarov A. Z. (1997) *Bashkirskaya semya v proshlom (XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Bashkir Family in the Past (18th — First Half of the 19th Centuries)], Ufa: Kitap.

Bezgin V. (2017) *Povsednevny mir russkoj krestyanki perioda pozdnej imperii* [Everyday World of the Russian Peasant Woman in the Late Empire], Moscow: Lomonosov.

Bezgin V. B. (2012) *Pravovye obychai i pravosudie russkih krestyan vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka* [Russian Peasants' Legal Customs and Justice in the Second Half of the 19th — Early 20th Century], Tambov: Tambov State Technical University.

Bezgin V. B., Erin P. V. (2012) Krestyanskaya semya i selskaya obshchina kontsa XIX — nachala XX veka (na materialah Tambovskoj gubernii) [Peasant family and rural community of the late 19th — early 20th century (based on the materials from the Tambov Province)]. *Proceedings of the Tambov State Technical University*, vol. 18, no 2, pp. 498–507.

Bikbulatov N. V. (1984) Shariat i obychaj v nasledovanii i razdele imushchestva u bashkir [Sharia and custom in the property inheritance and division among Bashkirs]. R. G. Kuzeev, L. I. Nagaeva (Eds.). *Issledovaniya po istoricheskoj etnografii Bashkirii*, Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, pp. 29–46.

Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. (1991) *Semejny byt bashkir. XIX–XX vv.* [Family Life of Bashkirs. 19th–20th Centuries], Moscow: Nauka.

Bikkuzina A.Kh. (2011) *Bashkirskaya obshchina na Yuzhnom Urale v poreformenny period (1865–1900)* [Bashkir Community of the Southern Urals in the Post-Reform Period (1865–1900)], Ufa: Bashkir State University Press.

Bolshakov A. M. (1925) *Sovremennaya derevnya v tsifrah. Ekonomika i raznoobrazny byt derevni za revolyutsionny period* [Contemporary Village in Numbers. Rural Economy and Diverse Everyday Life during the Revolution], Leningrad: Priboj.

Bragin A. M. (1916) *Krestyanskoe khozyajstvo Ufimskoj gubernii (po dannym podvornoj perepisi 1915 goda)* [Peasant Economy of the Ufa Province (Based on the 1915 Household Census], Ufa: "Pechat".

Brzeski N. (1900) *Krestyanskie semejnye razdely i zakon 18 marta 1886 g.* [Peasant Family Divisions and the Law of March 18, 1886], Saint Petersburg: V. Kirshbaum Printing House.

Brzeski N. (1902) *Ocherki yuridicheskogo byta krestyan* [Essays on the Peasant Legal Life], Saint Petersburg: V. Kirshbaum Printing House.

Danshina A. A. (2016) Semejnye razdely v poreformennoj pskovskoj derevne [Family divisions in the post-reform Pskov village]. *Bulletin of the Catherine Institute*, no 4, pp. 20–24.

Dzhaedong Ch. (2005) Krestyanskoe zaveshchanie i nasledovanie v period Stolypinskoj agrarnoj reformy [Peasant will and inheritance during the Stolypin agrarian reform]. H. Okuda (Ed.). *XX vek i selskaya Rossiya. Rossijskie i yaponskie issledovateli v proekte "Istorija rossijskogo krestyanstva v XX veke"*, Tokyo: CIRJE Research Report Series, pp. 44–86.

Fedorov V. A. (1979) Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne [Family divisions in the Russian post-reform village]. A. A. Kondrashenkov (Ed.). *Selskoe Khozyajstvo i krestyanstvo Severo-Zapada RSFSR v dorevolyutsionny period*, Smolensk, pp. 29–46.

Gerasimov N. (1901) Zakon 18 marta 1886 g. o semejnyh razdelah [Law of March 18, 1886, on family divisions]. *Journal of the Ministry of Justice*, no 6, pp. 193–208.

Isaev A. (1883) Znachenie semejnyh razdelov krestyan. Po lichnym nablyudeniyam [The importance of peasant family division. Based on personal observations]. *Bulletin of Europe*, book 7, vol. IV, pp. 333–349.

Isyangulov Sh.N. (2023) Evolyutsiya kolichestvennogo sostava selskoj semyi na Yuzhnom Urale v kontse XIX — nachale XX v. [Evolution of the quantitative composition of rural families in the Southern Urals in the late 19th — early 20th centuries]. *Bulletin of the Udmurt University. History and Philology Series,* vol. 33, no 5, pp. 1013–1021.

Isyangulov Sh.N. (2022) Evolyutsiya krestyanskoj semyi v Bashkirii v 1920-e gg. (po materialam vyborochnyh obsledovanij) [Evolution of the peasant family in Bashkiria in the 1920s (based on sample surveys)]. *Oriental Studies*, vol. 15, no 2, pp. 270–279.

Kolesnikov M. V. (1888) Etnograficheskie ocherki russkogo naseleniya Ufimskoj gubernii, v ego narodnom bytu, obryadah, obychayah i pr. [Ethnographic essays about the Russian population in the Ufa Province, in their everyday life, rituals, customs, etc.]. *Ufa Provincial Gazette*, no 26, p. 4.

Kolesnikov M. V. (2015) Etnograficheskie ocherki russkogo naseleniya Ufimskoj gubernii, v ego narodnom bytu, obryadah, obychayah i pr. [Ethnographic essays about the Russian population in the Ufa Province, in their everyday life, rituals, customs, etc.]. *"Novye" imena: istoriko-literaturnye i kraevedcheskie issledovaniya na Yuzhnom Urale v XIX — nachale XX vv.* Comp. by M. I. Rodnov, Saint Petersburg: Svoe izdatelstvo.

Kryukova S. S. (1994) *Russkaya krestyanskaya semya vo vtoroj polovine XIX veka* [Russian Peasant Family in the Second Half of the 19th Century], Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS.

Kushkova A. N. (2016) Krestyanskaya ssora: opyt izucheniya derevenskoj povsednevnosti: po materialam evropejskoj chasti Rossii vtoroj poloviny XIX — nachala XX veka [Peasant Quarrel: A Study of Rural Everyday Life (Based on the Materials from the European Part of Russia, Second Half of the 19th — Early 20th Centuries), Saint Petersburg: Publishing House of the European University.

Kuznetsov A. P. (2007) Etnograficheskie ocherki: Nauchnoe, literaturnoe i publitsisticheskoe nasledie. Po materialam arkhivov i periodicheskih izdanij (XIX — XX vv.) [Ethnographic Essays: Scientific, Literary and Journalistic Heritage. Based on the Materials of Archives and Periodicals (19th–20th Centuries)], Kaluga: Golden Alley.

Lichkov L. S. (1886) Krestyanskie semejnye razdely [Peasant family divisions]. *Severny Vestnik,* no 1, pp. 84–108.

Melnikov P.Yu. (2023) "Bez razdela sporee, da mnogo grekha na dushu primesh". Slozhnaya krestyanskaya semya v Rossijskoj imperii XIX v.: osnovnye tendentsii razvitiya ["Without division, it's faster, a lot of sin on one's soul". Complex peasant family of the Russian Empire in the 19th century: Main development trends]. *News of the Saratov University. History. International Relations*, vol. 23, no 1, pp. 12–16.

Melnikov P.Yu. (2012) Vydel v krestyanskom obychnom prave Rossijskoj imperii XIX veka [Family division in the peasant common law in the Russian Empire of the 19th century]. *Law. Legislation. Personality*, no 2, pp. 12–18.

Melnikov P.Yu. (2014) Razdel v krestyanskom obychnom prave Rossijskoj imperii XIX veka [Family division in the peasant common law of the Russian Empire in the 19th century]. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, no 4, pp. 113–118.

Menshchikov I. S., Fedorov S. G. (2017) *Volostnye sudy i krestyanskoe pravosudie v Yuzhnom Zauralye* [Volost Courts and Peasant Justice in the Southern Urals], Kurgan: Kurgan State University Press.

Milogolova I. N. (1987) *Semejnye razdely v russkoj poreformennoj derevne (na materialah tsentralnyh gubernij)* [Family Divisions in the Russian Post-Reform Village (Based on the Data from Central Provinces)]. *Lomonosov History Journal*, no 6. pp. 37–46.

Mironov B. N. (2014) *Rossijskaya imperiya: ot traditsii k modernu*: v 3 t. T. 1 [Russian Empire: From Tradition to Modernity: in 3 vols. Vol. 1.], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.

Mukhin V. F. (1888) *Obychny poryadok nasledovaniya u krestyan. K voprosu ob otnoshenii narodnyh yuridicheskih obychaev k budushchemu grazhdanskomu ulozheniyu* [Usual Order of the Peasant Inheritance. On the Relation of People's Legal Customs to the Future Civil Code], Saint Petersburg: Printing House of the Governing Senate.

Mukhina Z. Z. (2018) *Russkaya krestyanka v poreformenny period (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Russian Peasant Woman in the Post-Reform Period (Second Half of the 19th — Early 20the Century)], Saint Petersburg: Dmitry Bulanin.

Nagornaya M. A. (2011) Osobennosti krestyanskih semejnyh razdelov v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. [Features of the peasant family divisions in Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Herald of the Omsk University*, no 3, pp. 115–121.

Rodnov M. I. (2002) *Krestyanstvo Ufimskoj gubernii v nachale XX veka (1900–1917 gg.): sotsialnaya struktura, sotsialnye otnosheniya* [Peasantry of the Ufa Province in the Early 20th Century (1900–1917): Social Structure, Social Relations], Ufa: DizaynPoligraf-Servis.

Shanin T. (2020) Neudobny klass: politicheskaja sotsiologija krestyanstva v razvivayushhemsya obshhestve: Russia, 1910–1925 [The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925], Moscow: Publishing House "Delo".

Temperov I. (1866) Zametki o grazhdanskih yuridicheskih obychayah v srede krestyan [Notes on the civil legal customs among peasants]. *Ufa Provincial Gazette*, no 4, pp. 29–32.

Usmanov Kh.F. (1981) *Razvitie kapitalizma v selskom khozyajstve Bashkirii v poreformenny period. 60–90-e gody XIX v*. [Development of Capitalism in Agriculture of Bashkiria in the Post-Reform Period. 1860–1890s], Moscow: Nauka.

Usmanov Kh.F. (1958) *Stolypinskaya agrarnaya reforma v Bashkirii* [Stolypin Agrarian Reform in Bashkiria], Ufa: Bashkir Publishing House.

V. V. [Vorontsov V. P.] (1883) Semejnye razdely i krestyanskoe khozjajstvo [Family divisions and peasant economy]. *National Notes*, no 1, pp. 1–23; no 2, pp. 137–161.

Verbitskaya O. M. (2009) *Rossijskaya selskaya semya v 1897–1959 gg. (istoriko-demograficheskiy aspekt)* [Russian Rural Family in 1897–1959 (A Historical-Demographic Aspect)], Moscow; Tula: Grif i K.

Yuldashbaev A. M. (2007) *Zemelny vopros i natsionalnye otnosheniya v Bashkortostane v nachale XX veka* [Land Question and National Relations in Bashkortostan in the Early 20th Century], Ufa: Gilem.

Zemtsov L. I. (2002) *Volostnoj sud v Rossii 60-h — pervoj poloviny 70-h godov XIX veka (po materialam Tsentralnogo Chernozemya)* [Russian Volost Court in the 1860s — First Half of the 1870s (Based on the Materials from the Central Black-Earth Region)], Voronezh: Voronezh State University Publishing.

Zhiromskaya V. B. (Ed.) (2000) *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki*. V 3-h t. T. 1. 1900–1939 [Population of Russia in the 20th Century: Historical Essays in 3 vols., vol. 1. 1900–1939], Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).

Zyryanov P. N. (1992) Krestyanskaya obshchina Evropejskoj Rossii v 1907–1914 gg. [Peasant Community of European Russia in 1907–1914], Moscow: Nauka.